

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (отв. ред. — М.Ю. Мартынова)

© М.Ю. Мартынова

ОТ ЭТНОЛОГИИ К АНТРОПОЛОГИИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Ключевые слова: антропология, Юго-Восточная Европа, история науки, исследовательское поле

Статья представляет собой теоретико-историографическое введение к тематическому блоку “Антропологические исследования в Юго-Восточной Европе”. В ней, предваряя тексты исследователей из Болгарии, Сербии, Хорватии, Греции и США, дается обзор ситуации в этнологии/антропологии юго-востока Европы в последние десятилетия, анализируются современные концептуальные позиции ученых региона и тот научный фундамент, который позволил их трудам выйти за пределы локальной значимости. Автор введения знакомит читателя с основными темами, проблематикой и объектами изучения современной антропологии в Юго-Восточной Европе, обрисовывая общее направление развития науки в регионе. В тематический блок вошли статьи Л. Гаврилович (Сербия), И. Джорджевича (Сербия), И. Прицы (Хорватия), П. Христова (Болгария), Э.-М. Папамихаил (Греция) и М. Харкина (США).

Исследовательское поле и познавательные парадигмы этнологии и социокультурной антропологии в последние десятилетия стремительно менялись во всем мире. Разные политические, исторические и социально-экономические факторы

* **Марина Юрьевна Мартынова** | <https://orcid.org/0000-0001-7280-7450> | martynova@iea.ras.ru | д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра европейских и американских исследований | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 15-18-00099]

Этнографическое обозрение. 2019. № 5. С. 5–14. <https://doi.org/10.31857/S086954150007371-8>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

вливали на мировоззрение ученых и давали гуманитарным знаниям новые стимулы развития. Особенно судьбоносным оказался поиск путей обновления науки на рубеже XX и XXI вв. для стран бывшего социалистического лагеря: “эпохальная трансформация”, которая охватила территорию бывшего Советского Союза и Восточной Европы, привела к ревизии взглядов на прошлое, настоящее и будущее, породила новые социальные теории. В постсоциалистический переходный период изменения коснулись многих исследовательских задач и сюжетов. В странах Восточной, в частности Юго-Восточной, Европы в бурные модернизационные процессы оказались вовлечены и ученые. Именно их проницательный взгляд и заинтересованный вклад в науку показали не только суть радикальных политических и экономических перемен системного характера, но и подоплеку процесса трансформации социально-культурной структуры общества и значительных преобразований в самых разных его составляющих.

Антропология — одна из первых социальных наук, которая включила происходящие в социуме трансформационные процессы в свое предметное поле, помогая понять их содержимое, восприняла и стала анализировать новые социокультурные явления, неразрывно связанные с изменившимся социальным, экономическим и политическим контекстом. В сложившихся условиях менялась и сама научная дисциплина: наряду с мощным исследовательским импульсом, порождаемым историческими обстоятельствами, в странах Восточной Европы происходила модернизация и модификация антропологии или этнологии (как ее тогда называли), и местные ученые время от времени этот процесс документировали в своих трудах. Ориентированные на прошлое и зачастую идеологически заангажированные социальные дисциплины превратились в современные, рефлексивные научные направления. Можно сказать, что и парадигматические изменения в обществе, и состояние антропологии в странах Восточной Европы постсоциалистического периода ожидаемо оказались сюжетом историографического рассмотрения.

Восточноевропейские страны отличает разнообразие путей вхождения в мировую науку. На рубеже XX—XXI вв. здесь шел процесс самоопределения этнологических дисциплин и формирования институциональных структур, в рамках которых они совершенствовались, зарождались новые теоретические и методологические ориентации, идеи, практики и тематика исследования. Этот негладкий путь трансформации не был свободен от многочисленных противоречий. Часто оказывались несовместимыми старые и вновь возникающие парадигмы, что порождало конфликты и расхождения по различным конструктивным вопросам.

Наличие сложностей переходного этапа подтверждает и отсутствие консенсуса во взглядах на наименование дисциплины и на ее исследовательское поле в некоторых странах Юго-Восточной Европы (о дискуссиях на эту тему, напр. в Хорватии, см. в статье Инес Прицы “Этнология или антропология”; *Prica* 2001). Модернизационные процессы часто начинались с того, что научные учреждения и подразделения в вузах меняли свои названия, внедряя в них “социальную антропологию” или “культурную антропологию”, хотя порой содержание действующих проектов и курикулов оставалось ближе к предыдущим этнографическим и фольклорным изысканиям. В какой-то степени использование понятия “антропология” сигнализировало о разрыве с прошлым, которое ассоциировалось главным образом с романтическими националистическими настроениями. В противоположность этому — причина предпочтения некоторыми кругами термина “этнология” лежит в том, что под ним подразумевается фокусирование на собственном социокультурном контексте (что и было в значительной степени традиционно для нашей дисциплины в странах Юго-Восточной Европы), в отличие от “антропологии”, на этапе возникновения позиционируемой как наука “о других”. В отдельных случаях компромиссно используются оба термина, “этнология” и “антропология”, для обозначения одной дисциплины.

Очевидно, что каждая из стран рассматриваемого региона имела различные контексты бытия (от относительно благоприятных и стабильных условий до экстремальных политических давлений), свой социалистический и постсоциалистический опыт, который оттачивался и направлялся в определенном, идеологически заданном ключе. Тем не менее речь идет о дисциплинарном поле, имеющем одну общую для всех этих стран отправную точку. Этнология и фольклористика в Юго-Восточной Европе развивались как науки на службе делу строительства культурного фундамента новых национальных государств. Сопротивление и противодействие именно такой роли этих дисциплин позднее способствовало модернизации и появлению новых парадигм, в рамках которых выкристаллизовывались современные исследования. Это привело к постепенному пробуждению науки, ее освобождению от служения националистической и идеологической целям. Публикуемые работы стали более контекстуализированными и синхронными происходящим событиям, в отличие от предыдущих трудов, в которых основное внимание уделялось попыткам установить преемственность традиций.

В одних странах противоречия проявлялись в наибольшей степени, а изменение теоретических парадигм запаздывало. В других склонность к инновациям достаточно быстро увенчалась успехом. В частности, наблюдения показывают, что формирование новых фундаментальных научных установок и, соответственно, попытки модернизации старых подходов и методов в ряде государств, например в Болгарии, Сербии и Хорватии, предпринимались и до переломного момента 1989 г., официально считающегося началом периода постсоциализма. Для более глубокого изучения инновационных процессов в антропологии юго-востока Европы предлагается проанализировать, как развивалась этнология/антропология именно в этих трех странах.

Настоящий тематический блок представляет читателю те направления и научные школы, которые оказались на периферии исследовательского внимания и мало знакомы научной общественности за пределами данного региона. Вместе с тем нет никаких оснований отводить местным ученым лишь локальную роль и рассматривать их работы как “реплики мировых брендов”. Этнология имеет давние традиции в быстро трансформирующихся странах Юго-Восточной Европы, и не случайно именно здесь этнологи/антропологи наиболее активно стали проводить ревизию своих научных позиций в перестроечные времена. В общих чертах охарактеризуем региональный фон, на котором зарождались новые подходы.

Развитие в Юго-Восточной Европе этнологических наук (этнологии, этнографии, фольклора, культурной или социальной антропологии) в период до 1990-х годов освещалось в т.ч. и в русскоязычной литературе (*Бромлей* 1975; *Токарев* 1978: 331–341; *Мартынова* 2018; *Керимова, Шантек* 2018), поэтому нет необходимости в подробном обзоре трудов местных ученых на всем диапазоне исторической дистанции. Отметим лишь, что в каждой из названных стран сформировалась своя научная школа, которая не стала единой и унифицированной для всего региона. С XIX в. до наших дней этнология/антропология на Балканах прошла сложный путь развития и трансформации предметной сферы, поиска собственного места среди других научных направлений и доказательства своей социальной значимости.

Региональная этнология в своем развитии прошла долгий путь. Первый целенаправленный сбор этнографических предметов на Балканах был осуществлен в 60-е годы XIX в. для Всеславянской выставки, проводившейся в Москве в 1867 г. (*Керимова* 2008). Несмотря на то что все представленные там экспонаты остались в России, само мероприятие сыграло важную роль: на Балканах с этого времени началось активное этнологическое изучение традиционной культуры. За более чем двухвековой период местными учеными был собран огромный эмпирический материал, который систематизировался и теоретически осмысливался на протяжении многих лет.

Становление этнологии как самостоятельной дисциплины шло в тесном контакте с географией и подкреплялось характерным для XIX в. стремлением найти обоснование национальной идентичности и очертить национальную территорию. Несмотря на преобладание родинovedческого подхода, свойственного балканской науке этого времени, имена многих ее представителей получили мировую известность. Например, в Сербии долгие годы лидирующее направление этнографических работ было связано с идейным наследием антропогеографа Й. Цвиича (1865–1927). По мнению С.А. Токарева, разработанный Й. Цвиичем метод во многом выгодно отличается от одноименной концепции Ф. Ратцеля. С.А. Токарев объяснял это тем, что Й. Цвиичу удалось мастерски соединить географическую точку зрения с исторической (Токарев 1978: 168–169). В Хорватии особо значимы наследие М. Гавацци, автора многочисленных трудов о различных элементах быта и культуры хорватского крестьянства, и выдающийся научный вклад Б. Братанича, одного из руководителей общеевропейского объединения по подготовке европейского этнографического атласа. В Болгарии отцом-основателем этнографии считают И. Шишманова (1862–1928), еще в XIX в. сформулировавшего общие задачи этой науки; ценят здесь и вклад Д. Маринова, на рубеже XIX–XX вв. издававшего сборники фольклорно-этнографических материалов “Жива старина”. В 1906 г. Д. Маринов основал Народный этнографический музей в Софии. (В 1901 г. был создан Этнографический музей в Белграде, в 1919 г. — в Загребе.)

В первой половине XX в. некоторыми болгарскими и югославскими учеными были предприняты попытки выхода за местные рамки и постановки проблем более широкого плана. Так, болгарский этнограф М. Арнаудов занялся исследованием античных традиций в балканской культуре (Арнаудов 1968–1969). Постепенно усиливались тенденции к сравнительному изучению культуры славянских народов, поискам древних балкано-карпатских и балкано-кавказских культурных связей, возрастал интерес к проблемам этнической истории и славянскому наследию. Утвердился и социальный аспект исследований (изучались семья, родственная группа, а также движение населения из деревни в город и городской быт). Стал применяться этносоциологический метод.

В продолжение и развитие традиции, заложенной учеными предшествующих поколений, до середины 80-х годов XX в. на всей территории Болгарии и Югославии проводились фундаментальные этнологические исследования, изучались в региональном разрезе этническая структура населения, жилище и одежда, фольклор и местные обычаи, хозяйство и процессы трансформации культуры, проходящие под влиянием индустриализации и урбанизации. В этот период было начато также системное изучение городской среды, что нашло отражение в научных публикациях тех лет.

Предмет и задачи этнологии, ее место в системе других наук активно обсуждались болгарскими и югославскими учеными на протяжении последней четверти XX в. Были написаны работы, специально посвященные отдельным теоретическим постулатам, например проблеме этнических общностей, связи их с социально-экономическими и другими факторами. В декабре 1972 г. Сербская академия наук и искусств провела симпозиум на тему “О проблемах современной методологии этнологических наук”, на котором развернулись бурные дискуссии по теоретическим вопросам (Симпозијум 1974). На этнологические работы болгарских и югославских ученых заметно повлияло становление балканистики, которая развивалась как комплексная дисциплина. В этнологии обозначились точки соприкосновения со смежными дисциплинами: языкознанием, фольклористикой, социологией, историей, археологией. И сегодня Центр балканских исследований при Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, находящийся в Болгарии, регулярно проводит международные конгрессы, на которых

фольклорные сюжеты и этнологическая/антропологическая проблематика остаются в приоритете.

Со временем, как и в других регионах мира, на юго-востоке Европы менялись теоретические подходы (от цвиичевой антропогеографической школы, эволюционизма, диффузионизма, эмпиризма к функционализму и структурализму, а затем к эклектизму постмодерна). Произошла модернизация теоретических рамок науки, изменились ключевые темы исследований (обычай и фольклор, антропогеографическое исследование региона, трансформация традиционной культуры в период социалистической модернизации, формулирование коллективных идентичностей в переходный от социализма период, процесс глобализации), способы организации исследований (сети соисполнителей, коллективные или индивидуальные проекты и т.д.), да и социальные задачи этнологии.

В начале 90-х годов XX в. в условиях нового геостратегического позиционирования Европы в целом и юго-восточного региона в частности в науке началась концептуальная перестройка. Стало меняться и само название дисциплины. С 1990-х годов все чаще употребляется двойственное наименование “этнология и антропология”, указывающее на современные теоретические подходы. На Балканах, как и повсюду, антропология включила в свое исследовательское поле новые темы и дискурсы, которые оставили далеко позади фольклорную “экзотику” неизведанного и далекого, когда-то ей свойственную. Традиционное, ранее синонимичное сельскому, а в локальном контексте балканскому, уступило место урбанистическим социальным сюжетам как производным западной цивилизации (Ретроспективе 2017: 52). Если Болгария и Хорватия сразу оказались в орбите Европейского Союза, то Сербия попала в затруднительное положение. Но тем не менее и в условиях кризиса сербские этнологи следовали мировым трендам.

Планы этнологов/антропологов теперь были направлены на достижение консенсуса между национальными стратегиями государственной политики и глобальными мировыми тенденциями, между локальностью и включенностью в европейские течения и организации. Постепенно приходило осознание того, что политические и экономические трансформации (обусловленные расширением территории Европейского Союза, распадом социалистической Югославии и сопровождавшими его конфликтами), за которыми последовали социальные изменения (в т.ч. внутренние и зарубежные миграции населения, его культурное смешение), должны актуализировать и изменение исследовательского поля этнологии/антропологии. Работы того времени чаще всего были связаны с анализом проблем идентичности, культурных и общественных процессов периода кризиса, изучением трансформации традиционной культуры.

Сербский исследователь И. Годорович считает, что в современных условиях широтой своих интересов и предметом исследований этнолого-антропологическая наука практически заменила античную философию в смысле ее значения и роли среди других наук, что сегодня на Балканах, как и в других странах, она выполняет функцию междисциплинарного моста, позволяя создать условия для всеохватывающего и многоуровневого рассмотрения различных феноменов и понятий (Тодоровић 2005). Другими словами, этнология, расширив, усложнив и развив сферу своих интересов, как и свою методологическую и теоретическую базу, выросла в исследовательскую дисциплину с неограниченным потенциалом, применительно к ней речь идет о синтезе знаний и достижений в различных научных областях. В качестве подтверждения многовекторности этнолого-антропологических исследований И. Годорович среди прочего приводит тематику дипломных, магистерских и докторских работ, защищаемых на отделении этнологии и антропологии философского факультета Белградского университета.

Естественно, дискуссия относительно дальнейшего вектора развития академической этнологической науки и поиска новых исследовательских парадигм возникла

и в болгарском научном сообществе. Она, к примеру, привела к появлению работы И. Илиева “Строители на общности и професионални чужденци (Разговори на български етнографи с чужди учени и научни парадигми)”. Автор, проследивая отношения болгарских этнологов и фольклористов с зарубежными коллегами, показывает, как иностранные научные центры влияют в целом на болгарскую науку и на ее представителей в частности. С одной стороны, по мнению И. Илиева, создание теоретических концепций и обобщений стало прерогативой сообществ зарубежных ученых, и это приводит к неравнозначному диалогу между болгарскими этнологами/антропологами и европейскими и американскими коллегами. С другой стороны, согласно позиции автора, взаимодействие с “чужими” научными парадигмами не должно рассматриваться как одностороннее и независимое от внутренних акторов внешнее влияние, это лишь предоставление набора возможных решений, а выбор должен делаться в пользу тех из них, при которых учитываются интересы болгарского общества (Илиев 2018).

Говоря о хорватских ученых, нельзя не упомянуть видного этнолога/антрополога XX в. Д. Рихтман-Аугуштин. Относясь к ученым старшего поколения, она была, пожалуй, первой среди своих коллег, порвавшей с долго господствовавшей традицией исследования культурных ареалов с позиций диффузионизма и начавшей антропологизацию хорватской этнологии. О тяжелых для науки последствиях критического раскола в стране Д. Рихтман-Аугуштин писала в своих трудах. Рассуждая о связи между этнологией и политикой, она сформулировала ряд исследовательских проблем: роль народной культуры в мифотворчестве, канонизация народной культуры, национализация крестьян в XIX в., влияние этнологии на развитие общества (Rihtman-Auguštin 2004).

Надо отметить, что современная балканская этнология/антропология не модифицировалась в этнополитологию; поле и методика исследования в условиях жесточайших этнических конфликтов оставались преимущественно в рамках антропологической специфики и этнографического метода сбора информации. Представители дисциплины изучали быт и фольклор военного времени, локальные сообщества и частную жизнь групп и индивидов. Хорватские ученые, в частности, реализовывали проект “Война глазами этнологов”, фиксируя и анализируя происходящие в стране процессы. Именно в этот период появился термин “военная этнография”, была опубликована серия книг по этой тематике (Rihtman-Auguštin 2000, 2004).

О специфике антропологического/этнографического подхода к изучению постсоциализма много писали и дискутировали. В 2007 г. философский факультет университета в Белграде провел конференцию, по ее итогам был издан сборник статей под названием “Антропология постсоциализма”, в котором ученые из Македонии, Сербии, Словении и Хорватии излагают свое видение современной антропологии (Ribic 2007). По мнению сербской исследовательницы Г. Горунович, в силу преобладающего фокусирования на макропроцессах большая часть литературы о транзитологии практически не обращает внимания на личные стратегии людей, переживших драматичные политические, экономические и социокультурные изменения после коллапса социалистической власти (Gorunović 2007: 196). М. Буравой и К. Вердери в своем труде, изданном в Нью-Йорке, определили следующим образом преимущество антропологического подхода и реальное значение конкретной, живой этнографии:

Официальные документы, статистика, декреты и законы мало нам говорят о том, каким образом люди — от фермеров до рабочих, от торговцев до бюрократов, от менеджеров до клиентов социальных служб — реагируют на неизвестность, с которой они столкнулись. Из их калькуляций, импровизаций и решений структурируются элементы нового общества. Поэтому эфемерный момент, этнографически зарегистрированный, раскрывает что-то свое о конфликтах и альтернативах, всплывших

на поверхность вследствие деструктивного эффекта переходного периода (*Burawoy, Verdery* 1999: 2–3).

В начале XXI в. во всех странах региона все больше внимания стало уделяться вопросам общественной роли и практического применения результатов этнологических/антропологических исследований. О возрастании их прикладной значимости свидетельствует, в частности, тема ежегодного собрания Хорватского этнологического общества в 2000 г.: “Возможность вклада хорватской этнологии в социальное развитие Республики Хорватия” (50 godina 2009: 84).

Констатируем, что современная этнологическая наука на Балканах сталкивается с многочисленными вызовами, связанными как с нынешним состоянием локальных обществ, так и с глобальными процессами планетарного масштаба. Общие направления развития этнологии/антропологии, как и работы местных ученых, свидетельствуют о том, что теоретико-методологический аппарат и тематика исследований не являются константой. Они корреспондируют с дискурсом социальных процессов и магистральной линией развития науки в целом. Анализ локального контекста подтверждает, что в последние пару десятилетий на Балканах, как и в других регионах мира, произошла модернизация нашей научной дисциплины, ученые пересмотрели приоритеты развития этнологического знания и стараются действовать в соответствии с ними.

Региональный аспект процесса обновления этнологии/антропологии стал специальной темой этого номера. Для публикации были отобраны статьи ученых из Сербии, Хорватии, Болгарии и Греции (в соавторстве с исследователем из США). Хотя внимание авторов сфокусировано на актуальной проблематике своих стран (в предлагаемых текстах анализируются частные сюжеты), неизменна и глубокая диахронная контекстуализация, дающая возможность читателю получить представление об общей картине развития науки в исследуемом регионе, а также проследить состояние социокультурной антропологии и этнологии не только в быстро трансформирующейся Юго-Восточной Европе, но и в мире в целом.

Статьи болгарина Петко Христова и хорватки Инесс Прицы посвящены теоретическим, методологическим и междисциплинарным перспективам этнологии и антропологии. Работа Христова “Многомерная идентичность и национальная традиция в условиях панъевропейской мобильности: возможна ли этнология объединенной Европы?” видится составной частью дискуссии относительно дальнейшего вектора развития академической этнологической науки в Болгарии и поиска новых исследовательских парадигм. Христов отмечает, что быстро трансформирующийся образ “объединенной Европы” требует от этнологов новых концептуальных подходов и точек зрения на этническое, конфессиональное и языковое многообразие, существующее в странах ЕС. По мнению Христова, перед болгарскими учеными встают вопросы: что сегодня является объектом исследования антропологии? какие методологические стратегии годятся для изучения изменяющейся мозаики этнических, религиозных и культурных сообществ? Автор подчеркивает, что происходит переосмысление понятий “этничность”, “идентичность”, “национальная традиция”, “этнические и социальные границы”.

Прица в статье «Поставляя этнографический материал: деятельность этнологов в условиях “проектной междисциплинарности”» говорит о реформативности этнологии “с окраин”. Как считает автор,

одним из важнейших последствий эпистемологической и академической реструктуризации дискурсов гуманитарных и социальных наук с конца прошлого века стало то, что этнография (некогда “собственность” этнологии и антропологии) была провозглашена независимой методологической областью, распространяющей свое влияние на все междисциплинарное пространство. Как *документ человеческого опыта*

этнография, освобожденная от своего манипулятивного, позитивистского эпистемологического статуса, внезапно предстала гарантом эмпирической подлинности как “старых” дисциплин, таких как социология и историография, так и новых академических парадигм, стремящихся, аналогично случаю с культурологическими исследованиями, к синтезу всего гуманистического поля (*Прица*, наст. выпуск).

Статьи сербских ученых Лиляны Гаврилович и Ивана Джорджевича можно охарактеризовать как (пост)модернистские. Их объединяет новаторский подход к изучению проблем национализма. Джорджевич в работе “Политика на футбольном поле: взаимоотношения между идеологией и спортом в Сербии” исследует субкультуру футбольных болельщиков. Он подчеркивает важность роли этого социального феномена в преобразовании сербского общества на разных этапах его развития и показывает, как идеологические трансформации, происходившие в постсоциалистический период в бывшей Югославии, отражались на футболе. Автор подкрепляет свои утверждения примерами. Он начинает с роли футбола в создании коммунистического “нового человека”, затем через позицию болельщика-провозвестника капиталистических отношений в период позднего социализма переходит к теме превращения футбольных фанатов в националистический авангард героев-патриотов. По мнению Джорджевича, эта трансформация амплуа болельщика предопределила восприятие современного сербского футбола как некоего сверхидеологизированного и при этом, несомненно, националистического феномена.

Гаврилович в статье “Массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры (MMORPG) и национализм” рассуждает о взаимоотношениях в виртуальном мире геймеров из разных стран. Интересен вывод автора о том, что на Балканах наблюдается двойственный подход к этнизации интернет-пространства: есть сообщества, определяющие себя как “сербские” или “хорватские”, члены в которых (хотя бы теоретически) очерчивается реально национальными рамками, но есть и объединенные на основе сербского, хорватского и выделившихся из них черногорского и боснийского языков команды. Для последних коммуникация на понятном языке важнее этнической идентичности членов группы. Как считает Гаврилович, компьютерные игры могут способствовать уменьшению значимости национальных барьеров в реальном пространстве, поскольку, общаясь в виртуальном, люди из разных стран и культур корректируют свои взгляды, сформировавшиеся в физическом мире.

Наконец, в статье Элли-Марии Папамихаил (Греция) и Майкла Харкина (США) исследуется роль принца Петра, представителя королевской династии Греции, в продвижении антропологии как современной профессиональной научной области в греческом академическом сообществе. Это интересный, малоизвестный сюжет из истории науки в Юго-Восточной Европе, проливающий свет на сложности профессионализации дисциплины во второй половине XX столетия в регионе и на разные пути ее проникновения в национальные научные традиции.

Все предложенные читателю тексты, несмотря на их разноплановость, а может, и благодаря ей, дают представление о том, как понимается антропология в странах Юго-Восточной Европы. В этом смысле публикации вносят вклад в изучение различных традиций бытования антропологии на Балканах, что дает возможность (и служит отправной точкой) для сравнительного анализа тенденций/направлений развития этой дисциплины не только в данном регионе, но и в мире.

Источники и материалы

50 godina 2009 — 50 godina Hrvatskoga etnološkog društva (1959—2009) // Ur.T. Rubićdr, Ž. Jelavić. Zagreb: Hrvatsko etnološko društvo, 2009.

Ретроспективе 2017 — Ретроспективе и перспективе етнологије и антропологије. Београд: Сирогојно: Етнографски институт САНУ, 2017.

Симпозијум 1974 — Симпозијум о методологији етнолошких наука: 18–20.XII.1972 /
Ur.D. Nedeljković. Београд: Nauka i Umetnosti, 1974.

Научная литература

- Арнаудов М. Очерки по български фолклор. В 2-х т. София: Бълг. писател, 1968–1969.
- Бромлей Ю.В. (отв. ред.) Этнография в странах социализма. М.: Наука, 1975.
- Илиев И. Строители на общности и професионални чужденци (Разговори на български етнографи с чужди ученици и научни парадигми). София: Пропеллер, 2018.
- Керимова М.М. Выставка “Славяне Европы и народы России” (к 140-летию первой Всероссийской этнографической выставки 1867 г.) // Этнографическое обозрение Online. 2008. Январь. http://journal.iea.ras.ru/online/2008/ЕО02008_1b.pdf
- Керимова М.М., Шантек Г.П. Этнология в Загребском университете // Современная европейская социокультурная антропология и этнология. Историографические очерки / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 321–374.
- Мартынова М.Ю. (отв. ред.) Современная европейская социокультурная антропология и этнология. Историографические очерки. М.: ИЭА РАН, 2018.
- Тодоровић И. Приоритети савремене етнолошко-антрополошке науке у Србији // Зборник радова Етнографског института САНУ 21. Београд: ЕИ САНУ, 2005. С. 151–162.
- Токарев С.А. История зарубежной этнографии: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1978.
- Burawoy M., Verdery K. (eds) *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World*. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 1999.
- Gorunović G. Postsocijalizam i tranzicija, lokalne zajednice I identiteti // *Antropologija savremenosti* / Ur.S. Nedeljković. Beograd: Univerzitet u Beogradu; Srpski genealoški centar, 2007. P. 190–207.
- Prica I. Etnologija ili antropologija // *Studia Ethnologica Croatica*. 2001. No. 10/1 (1998/1999). S. 9–22.
- Ribic V. (ed.) *Antropologija postsocializma*. Beograd: Srpski genealoški centar, 2007.
- Rihtman-Auguštin D. *Ethnology, Myth and Politics: Anthropologizing Croatian Ethnology* / Ed. J. Čapo. N.Y.: Ashgate, 2004.
- Rihtman-Auguštin D. *Ulice moga grada. Antropologija domaćeg terena*. Beograd: Biblioteka XX vek, 2000.

Editor's Introduction

Martynova, M. Yu. From Ethnology to Anthropology: Global World Trends in a Regional Context [От етнології к антропологиї: глобал'ніе мировіє тенденції в регіональному контексті]. *Etnografičeskoe obozrenie*, 2019, no. 5, pp. 5–14. <https://doi.org/10.31857/S086954150007371-8> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Marina Martynova | <https://orcid.org/0000-0001-7280-7450> | martynova@iea.ras.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

anthropology, South-East Europe, history of anthropology, research field

Abstract

This article is an introduction to the thematic section of the issue on “Anthropological Research in the South-East Europe”, presenting contributions by scholars from Bulgaria (P. Hristov), Serbia (I. Đorđević, L. Gavrilović), Croatia (I. Prica), Greece (E.-M. Papamichael), and USA (M.E. Harkin), which provide an overview of the development of ethnology/anthropology in the South-East of Europe throughout the latest decades. The article focuses on concepts and theoretical stances of scholars in the region, and discusses the foundations and developments that helped them extend the

significance and reach of their work beyond the local scope. The author outlines the main themes, issues, and areas of research in the present-day disciplinary traditions of various countries in the South-East Europe and reflects on the prospects of their development.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 15-18-00099]

References

- Arnaudov, M. 1968–1969. *Oчерки po bolgarskomu fol'kloru/Oчерtsi po b'lgarskiiia folklore* [Essays in Bulgarian Folklore]. Sofiya: B'lg. pisatel.
- Bromley, Yu.V., ed. 1975. *Etnografiia v stranah sotsializma* [Ethnography in Socialist Countries]. Moscow: Nauka.
- Burawoy, M., and K. Verdery, eds. 1999. *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World*. New York: Rowman & Littlefield Publishers.
- Gorunović, G. 2007. Postsocijalizam i tranzicija, lokalne zajednice i identiteti [Postsocialism and Transition, Local Communities]. In *Antropologija savremenosti* [Anthropology of the Contemporary], edited by S. Nedeljković, 190–207. Belgrade: Univerzitet u Beogradu; Srpski genealoški centar.
- Iliev, I. 2018. *Stroitelji na obschnosti i profesionalni chuzhdentsi (Razgovori na b'lgarski etnografi s chuzhdi uchenii i nauchni paradigmi)* [Community Builders and Professional Foreigners (Conversations of Bulgarian Ethnographers with Foreign Scholars and Scientific Paradigms)]. Sofiya: Propeller.
- Kerimova, M.M. 2008. Vystavka “Slaviane Evropy i narody Rossii” (k 140-letiiu pervoi Vserossiiskoi etnograficheskoi vystavki 1867 g.) [Exhibition “The Slavs of Europe and Peoples of Russia” (Toward the 140th Anniversary of the First Russian Ethnographic Exposition of 1867)]. *Etnograficheskoe obozrenie Online* (January). http://journal.iea.ras.ru/online/2008/EOO2008_1b.pdf
- Kerimova, M.M., and G.P. Shantek. 2018. Etnologija v Zagrebskom universitete [Ethnology at the University of Zagreb]. In *Sovremennaia evropeyskaia sotsiokulturnaia antropologija i etnologija. Istoriograficheskie oчерki* [Contemporary European Sociocultural Anthropology and Ethnology: Essays in Historiography], edited by M.Yu. Martynova, 321–374. Moscow: IEA RAN.
- Martynova, M.Yu., ed. 2018. *Sovremennaia evropeyskaia sotsiokulturnaia antropologija i etnologija. Istoriograficheskie oчерki* [Contemporary European Sociocultural Anthropology and Ethnology: Essays in Historiography]. Moscow: IEA RAN.
- Prca, I. 2001. Etnologija ili antropologija [Ethnology or Anthropology]. *Studia Ethnologica Croatica* 10/1 (1998/1999): 9–22.
- Ribic, V., ed. 2007. *Antropologija postsocializma* [Anthropology of Postsocialism]. Belgrade: Srpski genealoški centar.
- Rihtman-Auguštin, D. 2000. *Ulice moga grada. Antropologija domaćeg terena* [The Streets of My City: Home Anthropology]. Belgrade: Biblioteka XX vek.
- Rihtman-Auguštin, D. 2004. *Ethnology, Myth and Politics: Anthropologizing Croatian Ethnology*, edited by J. Čapo. New York: Ashgate.
- Todoroviћ, I. 2005. Prioriteti savremene etnoloshko-antropoloshke nauke v Сepбији [Priorities of the Contemporary Ethnological and Anthropological Scholarship in Serbia]. In *Zbornik radova Etnografskog instituta SANU XXI* [Proceedings of the Ethnographic Institute SANU XXI], 151–162. Belgrade: EI SANU.
- Tokarev, S.A. 1978. *Istoriia zarubezhnoi etnografii* [History of Ethnography Abroad]. Moscow: Vysshaia Shkola.